

Евгений Голубовский

«В запыленной связке старых писем...»*

Признаюсь, мне всегда было интересно поддерживать отношения со старыми писателями, узнавать, были ли у них, у их друзей связи с Одессой, просить воспоминания, тексты для газеты. Перебираю письма в папке – здесь и письмо одного из первых русских футуристов, основателя «Центрифуги» Сергея Боброва, и письмо Анастасии Цветаевой, сестры Марины. С Григорием Петниковым мы с Юрой Михайликом познакомились в Старом Крыму, пришли к нему в гости, встретили удивительно интересного человека. С тех пор он присылал стихи и письма в «Комсомольскую искру». А вот Василиск Гнедов прославился до революции. В книге «Смерть искусству» он опубликовал «Поэму конца» – пустой лист. И сделал это до «Черного квадрата» Казимира Малевича. Увы, встретившись с Гнедовым в Одессе, я увидел человека, сломленно-го ГУЛАГом, его стихи 60-х годов были по-детски наивны.

Из имажинистов наладились связи с Рюриком Ивневым и Матвеем Ройзманом. Но, пожалуй, самое забавное письмо я получил от одного из старейших пролетарских литераторов Александра Перегудова, описавшего приключения в Одессе, не свои, а Алексея Новикова-Прибоя.

В папке есть фотографии В.П. Катаева и забавный документ. Катаев приехал на очередной праздник освобождения города – 10 Апреля. Думал, что встречать его будет «высокое начальство». Но на вокзале был лишь кто-то из Союза писателей и я. Мы привезли Катаева с женой в гостиницу «Черное море», чем он был возмущен – обещали «Лондонскую». Его все же убедили заполнить гостиничные карточки. Мы договорились, что утром я заеду и возьму у него интервью. Увы, утром

---

* Окончание. Начало в кн. 60, 61.

я услышал от администрации, что Катаев заказал билет на самолет и улетел в Москву. «А карточки остались?» – спросил я. И мне отдали две карточки, собственноручно заполненные Валентином Петровичем и Эстер Давыдовной Катаевыми.

С Новым годом! – уважаемый Евгений Михайлович!

Желаю многих творческих удач, интересных встреч и как можно меньше разочарований.

Благодарю за присланные газеты. 1-го – день моего рождения, и среди всех подарков это был для меня самый дорогой!

Не думайте, что я забыла свое обещание прислать пьесу и стихи: к сожалению, пьесу надо отыскать среди рукописей (101 папка) и все надо переписать, а у меня декабрь был очень неудачным – сердце «барахлило», и я почти целый месяц пролежала.

Надеюсь, что в январе я пришлю Вам все, что обещала.

Примите самый дружеский привет!

Нина Шенгели

Объясню, что послал Нине Леонтьевне Шенгели-Манухиной газету, где были после долгих лет молчания опубликованы стихи Георгия Шенгели. Она обещала найти пьесу, написанную Г. Шенгели совместно с Э. Багрицким. Увы, не нашла Но ее отыскал литературовед Вадим Перельмутер. И право первой публикации предоставил нашему альманаху.

С.П. Бобров – Москва А 319, Чернях., 4, 125.

Уважаемый Евгений Михайлович!

В ответ на Ваше письмо от 18-го числа (по почтовому штемпелю) отвечаю: я был в Одессе в 1915 или 16 году. Там у меня был родственник – мой дядюшка (муж сестры отца Марии Павловны Бобровой, которой в то время уже не было в живых), Александр Павлович Доброклонский, профессор Новорос. университета, (я впоследствии видел в Москве в Ленинск. библиотеке его трехтомный труд по истории церкви). Он заинтересовался моей юношеской работой о стихе пушкинских «Песен западных славян», вышедшей в «Мусгагете» в середине 1915 года, ибо он и сам трудился над стихом, который русские монахи переводили на церк.-сл. язык византийские молитвословия

(по его словам, коли не ошибаюсь, он утверждал, что они просто переводили слово за словом), я был у него в Одессе – отсюда и надпись на книжке «Записки стихотворца». Это все, что я могу Вам сообщить. Про Аксенова боюсь что-либо сказать, но он был киевлянин, так что, б. м., и бывал в Одессе. Про Пастернака могу сказать, что он наверное в Одессе не бывал. Никаких «двойников» из изданий «Центрифуги» у меня не имеется, почти все утрачено за прошлые годы.

Привет.

21.X.69. Сергей Бобров.

Сергей Бобров, автор предисловия к первой книге Бориса Пастернака «Близнец в тучах», не знал биографии своего сподвижника по «Центрифуге». Б. Пастернак многократно бывал в юности в родном городе своего отца и написал стихотворение «Одесса» в апреле 1944 года.

«Комсомольская искра»

Спасибо, тов. Голубовский, за письмо.

Выполняю В/ просьбу – посылаю для газеты 39 строчек из моих новых «Трехстиший» (это из будущей книги).

Относительно воспоминаний, о которых Вы мне пишете. О Вел. Хлебникове и Вл. Маяковском думаю, что напишу, но не сейчас, – занят другой работой.

Мимолетные встречи (две-три, пожалуй), оч. давние с тов. Костровым в ред. «Коммуниста» и в лит. студии, кажется, в Харькове, в 20-е годы (они как-то связаны у меня с памятью о моем друге поэте Влад. Ив. Нарбуте). И выходе в свет книги его стихов «Александра Павловна», что печаталась в тип. этой газеты, с нашей маркой «Лирень», нашего поэтического содружества.

Но это, конечно, не достаточно для того, чтобы писать воспоминания. Скажу только одно о Тарасе Кострове: отзывчивый, оч. живой. И близкий к поэзии. Видно, по всему, хороший человек!..

Такими вот видятся мне и комсомольцы тех лет: М. Светлов, М. Голодный, Вас. Александровский, А. Ясный. Молодые люди открытые, смелых сердец. О них надо напоминать, вспоминать чаще и чаще.

P. S. Получив сие письмо с двумя страницами, сообщите, конечно. Газету пришлите. И проч.

Жму руку. Привет Юр. Михайлику.

*Петников.
3 ноября 68.*

В то время Белла Кердман, Тамара Погорелая и я работали над книгой о Тарасе Кострове, которому посвящено стихотворение В. Маяковского «Письмо товарищу Кострову о сущности любви». Костров – псевдоним Александра Сергеевича Мартыновского. Так мы перешли к народовольцу Сергею Мартыновскому, его сыновьям Александру и Владимиру, ректору Холодильного института. Книга тогда не вышла. А позднее мы сами решили ее не публиковать. Уж больно мы восторгались подвигами народо-вольцев. Прошло время – и мы осознали, что террор не имеет оправданий.

Уважаемый Евгений Михайлович!

Получил Ваше письмо. Отвечаю на интересующие Вас вопросы.

Бурлюка, Маяковского и Крученых я знал хорошо, с Вас. Каменским был очень дружен, с Хлебниковым тоже был в дружеских отношениях. Некоторые воспоминания о нас опубликованы. Есенин и Мариенгоф с нами тоже встречались. Есенин и Мариенгоф очень ценили творчество Хлебникова.

Что касается моих книг 20-х годов, то они стали библиографической редкостью.

Высылаю Вам одновременно с этим письмом заказ. бандеролью – мои книги «Память и время» 1969 и «Избранные стихи».

К сожалению, старые книги у меня все по одной.

В книге 1969 Вы найдете стихи, написанные мною в Одессе. Летом 1966 я впервые попал в Ваш город. Очень жаль, что тогда не был знаком с Вами.

Если Вас не затруднит, пришлите два № Вашей газеты (те, в которых помещены чьи-нибудь стихи). Я их просмотрю и тогда пришлю Вам что-нибудь наиболее подходящее из того, что у меня имеется.

Примите мой сердечный привет и самые добрые пожелания.

*Ваш Рюрик Ивнев
23.X.69. Москва.*

P. S. В справочнике СП маленькая опечатка, кв. моя не 26, а 21.

Детское солнце

Веселое детское солнце
Внезапно тебя осветило
И ты, улыбаясь чему-то,
Побрел машинально за ним.

Оно закатилось за горы,
Тебя подхватив, как былинку,
И в древнем Дарьяльском ущелье
Себя ты увидел опять.

А дальше без компасов всяких,
Вне логики и расписаний
На сказочный берег Одессы
Оно опустило тебя.

С веселым и ласковым солнцем
Ты долго по свету скитался
От Карса до сопок Камчатки,
От Бзыби до северных льдов.

Искал ты следов Атлантиды,
Созвездий, еще не открытых,
Взывая к огромному счастью
В забытых людьми уголках.

Все это мелькнуло мгновенно
И снова, как призрак, исчезло
С веселым мальчишеским солнцем
И с первой улыбкой любви.

Рюрик Ивнев

Москва, 6 апреля 1970

Уважаемый Евгений Михайлович!

Я только что вернулся из Дома творчества в «Малеевке», где работал с редактором над моими воспоминаниями. Там много

места уделено Есенину, работе Ордена имажинистов, Ассоциации вольнодумцев и т. д. Кстати, читали ли Вы книгу «Воспоминания об Есенине», изданную в 1965 году «Московским рабочим»?

Я знаю, что в Одессу ездил с женой и сыном Анатолий Мариенгоф отдыхать летом. Но стихов об Одессе у него нет. Есть стихотворение у Рюрика Ивнева, посвященное Одессе. Эрдман уже давным-давно не пишет стихов.

Я был раза два в Одессе – в двадцатых годах и тридцатых. От первой поездки у меня есть стихи. Одно (с юмором) я всегда читал в заключение моего выступления: «Одесская луна». Два других надо поискать.

Я не знаю, что Вам послать. Каков размер Вашей газеты? Пришлите мне хоть один ее экземпляр и напишите.

*С уважением ...
Матвей Ройзман*

Многоуважаемый Евгений Михайлович!

Отвечаю Вам в занятости и спешке, но зная, что Вы ждете ответы для дела, отвечаю.

1. В Одессе я не была.
2. Марина, насколько я знаю, потому что мы были врозь с 1917-1921 года, не была там.

3. Не знаю никого из поэтов, бывших в Одессе, кроме З. Шишовой, уже умершей. Может быть, и были там некоторые из м. знакомых поэтов, но сведений об этом у меня нет.

Теперь в Одессе живет прекрасный поэт Илья Рейдерман (псевдоним Рудин) – книга его, вышедшая в 1975 году, обращает на себя внимание. Название ее «Миг». На него – одессита – следует обратить внимание

Всего Вам доброго!

*Анастасия
Цветазва
3.XI.80*

P. S. У Шишовой есть сын – Марат, работает (работал, м. б.) в «Молодой гвардии». М. б., у него хранятся ее прекрасные стихи о блокаде.

Переделкио

Уважаемый Евгений Михайлович!

Сегодня в Переделкино, в писательский городок под Москвой, где я провожу большую часть лета, мне доставили Ваше письмо.

Спешу ответить. Анатолия Фиолетова лично я не знал. Стихи сохранились в альманахе «Ковчег». У меня только один экземпляр альманаха. Там же стихи Соколовского, с которым я некоторое время в Феодосии был близок. Соколовский эмигрировал в 1920 году. Там же стихи Бабаджана – его я любил. Я был последним, кто виделся с ним перед его трагической смертью. Он был расстрелян в 1920 году. По-моему, просто по недоразумению. Книга его с дружеской дарственной надписью у меня сохранилась («Сезанн»).

В Москву я вернусь во второй половине сентября и тогда постараюсь перепечатать нужные Вам стихи и переслать. Но возможно, что в конце сентября или в самом начале октября я буду в Одессе. В значительной степени это зависит от того, удастся ли мне забронировать для себя и жены номер в гостинице на неделю или дней на десять. Кстати, не могли ли бы Вы мне помочь в этом? Возможно ли это? Цена номера не имеет значения. Если удастся попасть в Одессу, то захвачу для Вас «Ковчег» – можете сфотографировать.

Я спрашивал о Вас Льва Славина, моего соседа по дому в Москве, но он, к сожалению, Вас не знает. Рад буду помочь Вам.

Эм. Миндлин

Об альманахе «Ковчег», вышедшем в 1920 году в Феодосии, я впервые прочитал в воспоминаниях Эмиля Миндлина. Там наряду с М. Володиным, М. Цветаевой, И. Эренбургом были опубликованы стихи Э. Багрицкого, А. Фиолетова, В. Бабаджана.

Много лет я искал эту книгу, чтобы перефотографировать ее. Нашел в библиотеке И. Эренбурга. И когда Б.Я. Фрезинский любезно прислал ксерокс, переиздал ее в Одессе с добавлениями и комментариями. Так родилось «Возвращение Ковчеха»

Москва, 12 апреля 1972

Уважаемый Евгений Михайлович!

Благодарю за присланные мне экземпляры газеты с моим очерком о Кассиле.

Недавно послал новеллу «30 строк судебной хроники» из книги, которую готовлю исподволь, и надеюсь дожить до ее выхода. Там намечая посвятить раздел родному городу. Кстати, издательство «Маяк» отказалось выпустить мою книгу об Одессе на том основании, что автор не прописан в ней на жительство. Так было в 1966 году, когда я находился в Одессе в командировке от «Огонька», а издательством заправлял мудрый Коляда.

Сообщите, подходят ли газете эти «30 строк».

Вскоре выезжаю на поправку в Переделкино, где заодно буду работать. С Москвой у меня будет непрерывная связь, так что пишите.

Посылаю Вам еще один материал об экскурсии, состоявшейся две трети века тому назад: в 1907 году. Учитель Ратницкий повез детишек тульских рабочих к Льву Толстому.

Руководитель этого похода еще жив, он поведал мне всю эту историю, снабдил фото, которое не блещет качеством, но зато уникальное. Если опубликуете этот очерк, то непременно пришлите газету и для Ратницкого.

Всего доброго!

Макс Поляновский

Глубокоуважаемый тов. Голубовский!

Ваше письмо получил. Благодарю Вас за доброе слово о моих воспоминаниях о Н.Н. Никандрове, помещенных в № 1 журнала «Новый мир», и за приглашение к сотрудничеству. Но вот в чем дело: во многих городах нашей страны я был, но в Одессе мне быть не пришлось, несмотря на большое желание посетить этот чудесный город, так что лично у меня с Одессой ничего не связано, может быть, покопавшись в своей памяти, я что-либо и нашел об Одессе в рассказах своих друзей-писателей, но тут одна беда. Мне через два месяца исполнится 86 лет, я очень плохо слышу, плохо вижу, очень слаб, даже дома хожу, пошатываясь, а из дома совсем не выхожу. И такая плохая у меня стала память, что я забываю обычные, знакомые с детства слова, имена, фамилии близких людей. Поэтому я уже ничего не пишу, нет сил ни физических, ни умственных. Воспоминания о Никандрове я закончил весной прошлого года и с тех пор ничего не писал. Я знаю, что с Одессой

связаны многие писатели, ставшие впоследствии в первых рядах советской литературы, но близко знаком ни с кем из них я не был. Как курьез могу рассказать о том, что случилось с Новиковым-Прибоем в Одессе. Он вместе со своим сыном в конце двадцатых годов приехал на несколько литературных выступлений в Одессу. Он любил брать с собой своих детей в поездки. В тот год его сыну Игорю было лет 5-6. В один из дней они лежали на пляже, к которому примыкал короткий переулок, выходящий на большую оживленную улицу. Лежали они голые, даже без трусов. Помню, в то время в Крыму мы всегда лежали голые, пляжи были почти пустынные, человек от человека лежал метров за сто (это в Крыму, в Рабочем уголке). И вот в Одессе Новиков-Прибой открыл глаза и не увидел рядом с собой сына. Смотрит, а сын голый бежит по переулку и уже недалеко от шумной большой улицы. Алексей Силыч так испугался за сына, что вскочил и тоже голый бросился по переулку за Игорем. Догнал его недалеко от большой улицы. Рассказывая мне об этом, Алексей Силыч очень смеялся и говорил: «Понимаешь, я так испугался, что Игорь выбежит на большую улицу и тут же попадет под колеса, так испугался, что, ничего не соображая, бросился за ним. Пришел в себя, когда только догнал его... Хорош я был: старый голый человек идет по переулку к пляжу и несет на руках голого ребенка...».

Вспомнился мне этот рассказ Новикова-Прибоя и захотелось рассказать Вам об этом случае...

23 января 1980 г.

*С уважением
А. Перегудов*

Р. С. Сейчас этот сын Новикова-Прибоя, Игорь Алексеевич, – доктор медицинских наук, заслуженный врач РСФСР.

А. П.

Москва 20.1.66

Многоуважаемый Евгений Михайлович!

Очень прошу срочно авиапочтой выслать фото «Зеленой лампы» во всех вариантах, которые у Вас имеются.

Договорился с художником Г.А. Петровым (автор иллюстраций «Манаса»). Обещает реставрировать клише. Вы, может быть,

знаете о том, что Петров совместно с Бельчиковым является автором оригинального штрихового способа клише. Этот метод дает широкие возможности исправлять недочеты фотоснимков.

Если уже опубликован мой очерк, то, пожалуйста, приложите и его. У меня просит сведения музей. Передам им очерк. Пусть переводят для себя на русский. Остановился в гостинице ЦДСА. Почтовое отделение при гостинице.

Адрес краток.

*С приветом
Вадим Долинов*

Почтовый и телеграфный адрес Москва И 157 Долинову до востребования. Телефон моей комнаты в гостинице И 40000 доб. 103. «дома» до 10 ч. у. и ночью.

* * *

Предложу читателю и несколько писем от художников.

Письмо Амшея Марковича Нюренберга, одного из «Одесских парижан», только одно из многих, так как мы предприняли попытку издать его мемуары в Одессе. И хоть редактором согласился быть Борис Дервянко, издательство «Маяк» продержало рукопись несколько месяцев и... отказалось от издания книги.

Слава Богу, что недавно внучка А.М. Нюренберга Ольга Танган-Трифопова выпустила эту книгу в Москве.

Короткая записка от Марии Михайловны Синяковой, замечательной художницы, дружившей с Велимиром Хлебниковым. Я бывал у нее в Москве, был на ее выставке в Киеве, а вот в Одессе, к сожалению, повторить эту выставку не получилось.

Этот цикл писем завершаю горьким болезненным письмом Анатолия Асабы, которое он написал не мне, а Валентину Хрущу. Написал и не отправил. Так оно и сохранилось в архиве Асабы, который приобрел Е.О. Лукашев. Стараниями Евгения Отаровича мы увидели выставку работ А. Асабы в нашем городе, ощутили трагедию этого мастера – последнего караимского художника, как он писал о себе. Рад, что сейчас молодые искусствоведы занялись творчеством Анатолия Яковлевича Асабы. Хочется надеяться, что появятся о нем и диссертация, и монография.

Дорогой Женя!

Я Вам послал 172 стр. текста и 37 фото. Это составляет 7 листов, не считая фото. В моей книжке, которая уже печатается, 7 печатных листов и 52 фото. Посылаю Вам еще добавочный материал, который увеличит текст еще на два листа. В добавочный материал входят статьи о Сезанне, Коро, Левитане, Кончаловском и Грабаре. Имеются у меня еще статьи о С. Герасимове, Малютине и Осьмеркине. Думаю, что для одесской книжки они не очень нужны. В статьях моих Вы найдете пометки моей редакторши, с которыми я не согласен. Поэтому я даю Вам право вносить свои личные поправки. Статьи о Шагале и Сутине не посылаю, так как они могут вызвать, выражаясь языком Бабея, «Большие семейные разочарования». Что касается фото, то я думаю послать Вам еще некоторое количество снимков, чтобы редакция могла выбрать из них наиболее ей нравящиеся.

Должен сказать Вам, дорогой друг, что рукопись редакции понравилась, и я, в это полугодие, единственный автор, печатающий свой горемычный труд. У меня было: три редакторши и один редактор (Алпатов), что, конечно, многовато. Начали мы связываться с обнюхивания и ощупывания, а кончили теплейшей дружбой. Чудо! Я им, черт знает почему, понравился. Почти все авторы редактуру кроют крепчайшим матом, а я о них отзываюсь почти тепло. Но я думаю и верю, что повсюду царит такая милая атмосфера. Редакторы как редакторы.

Посылаю Вам Бабаджана. Все мои друзья хвалят его Сезанна. Как жаль, что его нет среди нас! Чудесный, золотой был парень!

Прочтите. Издание «Омфалоса». К слову, об этом изд. Я все забыл (учтите, что прошло 50 лет!). Никого не помню. Гоziасон в Paris. Живописью занимается. Фазини оторвался от искусства. Видел Смирскую. Ее дочь замужем за секретарем «Омфалоса» поэтом... фамилию его не помню. Склероз одолевает.

Единственный человек, о котором я могу Вам кое-что написать – это о Бабаджане. Его я хорошо помню. Кострова и Фиолетова я не помню.

Рад услужить Вам, дорогой! Постараюсь вспомнить. Дайте срок.

Статью о Шагале мне удалось устроить в еврейский журнал, редактируемый моим другом, еврейским поэтом Вергелисом. Почти весь тираж этого журнала уходит за границу.

Несколько слов об одесситах.

У меня имеется рассказ о моих одесских заработках, но он для нашей книжки не годится. Книжка идет в плане жизни художника.

Пока всё. Привет всем знакомым.

Обнимаю Вас, дорогой Женя, и целую.

Амшей Нюренберг

Сердечный привет от Полины Ник. Вам и Вашей жене.

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Все, что у меня было футуристического, я отдала Саше Парни-су. По моей просьбе он обещал кое-что дать Вам.

Только вчера были отложены последние акварели в Киев для Львовской выставки. Мне было бы приятно, если бы можно было устроить выставку и в Одессе.

Желаю Вам в Новом году всего самого хорошего.

Мария Синякова

1970 г. 27 января

Валик, здравствуй!

Мир мой зависит от судьбы. Я сейчас у сестры.

Сколько можно бороться за свое счастье.

Может быть, квартира. Доверенность дал сестре. Был в Одессе один день. Самолетом улетел в Киев.

Может быть, Дом отдыха. Месяца больницы забрали у меня здоровье. Сколько я могу скитаться. Нет в этом районе людей, с кем можно поговорить. Городское село.

Я так страдаю. Взял только графику. Купил в 40 листов альбом, бумага хорошая. В понедельник, может, попаду в издательство «Днепр», я был там, показывал только книги. Сказали, чтоб еще принес рисунки. Но прежде здоровье.

Валик, напиши, приходила ли Инга в мастерскую. Я ей высылал фото. Получила ли она их.

Валик, взял с собой магнитола. Может, супруг сестры починит. Хочу записать стихи.

Когда был в уголовном розыске, понравились стихи, где они сейчас, я не знаю.

Было 50 фотографий довоенной Евпатории для книги Б. Балтера «До свидания, мальчики». Тоже пропали.

Валик, друг, напиши мне письмо. Мне это необходимо.

Пока мне никто не пишет.

Красок в Академии в Питере много купил. Масляные краски. Они такие дорогие. Кисти купил.

В Одессе был только в центре, так как из Евпатории я приехал «Кометой». Надо жить в Одессе или, в крайнем случае, в Москве. В Москве крупные издательства, а смогу я заработать деньги только от иллюстраций. Меня принимают.

В Москве может быть мастерская. Но я растерял своих друзей. Больница забрала у меня здоровье.

Валик, твоей супруге привет, твоим детям здоровья.

Васе привет. Хочу встретиться здесь с Наташей.

Дело мое в суде затянулось. Что будет, я не знаю. Как мало осталось творить и такие беды.

Валик, прости за мое отношение к тебе и к искусству.

Дорогой Валик, пиши. В бар приходит та девушка? Мне дороги мои друзья и свобода.

Всего тебе хорошего и Одессе.

Я жду письма. Может, увидимся.

Пиши мне по адресу Киев-27 УНИИС

Ул. Садовая 4 кв. 3

Твой друг Анатолий Асаба

На такой грустной ноте завершаю эту публикацию

Мне всегда представлялось, что личные письма рассказывают об эпохе больше, чем статьи, рассказы, романы. Поэтому я и попытался окунуть читателя в эту личную переписку. Думаю, в ней преломление нашего времени.

